

Рисунок 1 – Генетический аспект антропонимов, заимствованных из мифов

Мы видим, что в основном это источники греко-римской культуры с вкраплениями кельтских, валлийских и скандинавских сказаний. Антропонимы, в данном случае, являются не только маркерами, подчеркивающими те или иные качества героев, но они также и наглядно отражают извечную картину борьбы сил добра и зла.

ТАИНСТВЕННАЯ ПРАГА В РОМАНЕ Л. ПЕРУЦА «НОЧИ ПОД КАМЕННЫМ МОСТОМ»

И. С. Походяев

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина» (Нижний Новгород)
Науч. рук. – Н. М. Ильченко, доктор филол. наук, профессор*

Аннотация. Актуальность исследования состоит в научной значимости проблемы системного осмысления городских легенд в контексте литературного процесса середины XX века. Показано, что пражские легенды, положенные в основу романа австрийского писателя-экспрессиониста Лео Перуца (1882–1957) «Ночи под каменным мостом» (1952) и подвергшиеся интерпретации, ярко представляют городское пространство и его обитателей. Такой подход позволил уточнить авторское понимание двойственности бытия и особенности формирования образа таинственной Праги.

Ключевые слова: Лео Перуц; «Ночи под каменным мостом»; пражские легенды; городская мифология.

Город – это не просто особая организация физического пространства, а настоящий центр политической, экономической, административной жизни населяющего его социума. Социум также особенен: он объединяет различного рода сообщества, которые постоянно изменяются, растут в численности или же исчезают вовсе. Города занимают центральное место в истории культуры, ведь со времени своего возникновения они становятся центрами человеческой деятельности, материальной и духовной культур [4, с. 223].

Городское пространство, являясь средоточием человеческой культуры, порождает в пределах себя собственную мифологию со своими легендами, преданиями, поскольку мифология – это наиболее древняя и самая ранняя из форм культуры, которая зародилась ещё в первобытном обществе и сопровождает человечество на протяжении всей его истории.

Основой для формирования городской мифологии, а также её дальнейшего воплощения в формах фольклора являются элементы социально-исторической и социокультурной областей. К ним относятся исторические события, произошедшие в городе или стране, в которой он расположен, урбанизация как способ взаимодействия городской и деревенской среды, которая также наделена своими культурными компонентами, мифологией, фольклором и др. [5, с. 19–21].

Развитие литературы начала XX века тесно связано с нарастающим интересом к мифологической форме общественного сознания. Следствием этого стало использование авторами мифа в повествовательной структуре произведений. С расширением городского пространства, урбанизацией, усложнением структуры города и увеличением его значимости для человека образуется новая форма мифологии – городская мифология, которая воплощается в легендах, собственном фольклоре. Из двух данных факторов следует закономерный интерес писателей к теме городской мифологии как особому виду отражения реальности, реакции на происходящие вокруг события.

Мифология Праги, таинственной и загадочной столицы Чехии, послужила материалом для создания различных литературных произведений. Одним из авторов, обратившихся к ней, стал австрийский писатель Лео Перуц. Объектом исследования является его мистический роман «Ночи под каменным мостом» (1952 г.).

Перуц родился в Праге в 1882 году, позднее вместе с семьёй переезжает в Австрию. В момент своей зрелости, к 1920-м годам, он становится самым известным немецкоязычным автором, посвятившим себя во многом «еврейскому искусству». Однако с приходом к власти национал-социалистов теряет свою популярность и эмигрирует в Палестину. К 50-м годам Лео Перуц был практически забыт в Европе, популярность вернулась к нему вновь только после смерти, в конце XX века [3, с. 502–504].

Писатель берёт из пражской мифологии некоторых персонажей, которых вплетает в сюжет. Например, значимой фигурой в романе становится Высокий рабби. Хотя имя этого героя ни разу не называется, но понятно, что это легендарный герой рабби Лёв. Он имеет при себе некоего глиняного слугу, *«которого некогда сам же вылепил из глины и который носил имя Божие в устах своих»* [1, с. 6]. Конечно, речь идет о знаменитом пражском Големе.

Книжный рабби Лёв ничем не уступает своему прототипу из легенд. Фигура данного персонажа окутана мистикой: он знает язык мертвых, *«слышит голоса из адских бездн»*, может *«толковать грозные знамения Бога»*, произносит *«запретное слово из книги Тьмы – слово, которое сотрясает землю, крушит скалы и вызывает мертвых в мир живых»* [1, с. 4, 7]. Благодаря тайным знаниям мудрец узнаёт о причине чумы в Еврейском городе – грехе, который совершает какая-то женщина. Он грозен и справедлив: *«и он призвал грешницу – пусть выйдет и покается, чтобы кончилось народное бедствие!»*, *«тёмное облако гнева объяло высокого рабби»* [1, с. 6].

Рабби Лёв становится ключевым звеном в сюжете романа, он, под угрозой изгнания евреев, выполняет волю императора, делая так, чтобы Рудольф II и его возлюбленная, молодая жена ростовщика Мордехая Мейзла, встречались каждую ночь в облике кустов розы и розмарина, в которые переселялись их души. *«С тех пор из ночи в ночь Рудольф грезил, будто прижимает к груди свою любимую, прекрасную Эстер, и ночь за ночью снилось Эстер, что она лежит в объятиях императора»* [1, с. 120]. Однако за своё колдовство, потворство греховной связи рабби Лёв вынужден расплачиваться детской чумой в Йозефове, вот почему, поняв причину возникновения болезни, колдун незамедлительно идёт под мост и вырывает с корнем растущий там куст розмарина, убивая тем самым Эстер.

Герой постоянно находится перед выбором: идти на грех перед Богом, спасая тем самым евреев от изгнания, или прекратить греховную связь императора, избавив гетто от чумы. Персонаж в романе становится сложнее, а его общение с Рудольфом не ограничивается показом различных чудес, как это было в легендах.

Лео Перуц в своём романе показывает не просто персонажей из пражских легенд или же исторических личностей, он, как художник, рисует образы людей, наполняя их сознание чувствами, эмоциями, трагедиями и переживаниями. Именно особая чувственность отличает всех героев произведения автора.

Сравнивая городские легенды Праги с сюжетом романа, можно найти некоторые сходства, которые доказывают, что Перуц отлично знал пражскую мифологию и смог по-своему её интерпретировать, ввести в повествование.

Первая легенда, которую переработал Перуц, и которая послужила довольно важной основой для романа, стала история о детской чуме. Согласно ей, в еврейском квартале происходила ужасная эпидемия чумы, которая убивала

только детей, а взрослых не трогала. Все были в панике: *«община была охвачена великим трауром», «установлены были особые молитвы»* [2, с. 338], но чума продолжала уносить жизни. На помощь жителям пришел рабби Лёв. При помощи видения пророка Илии он узнал, что о причине чумы можно узнать на еврейском кладбище. Тогда рабби отправляет туда своего ученика и даёт наказ: при встрече с призраками умерших детей снять с одного из них тахрихим (погребальную рубашку) и принести ему. Так и случилось, а позднее за своей рубашкой пришёл призрак мальчика и поведал, что чума случилась *«из-за двух матерей, которые убили своих новорожденных детей»* [2, с. 339]. Узнав имена, община предала их суду и смерти прекратились.

В романе эта легенда обыгрывается иначе. На помощь рабби приходят бедные музыканты Коппель-Медведь и Екеле-дурачок. На кладбище герои побывали два раза: первый раз они узнали у призрака девочки о том, что чума прислана *«за грех Моавов, в котором пребывает одна из дочерей твоих»*, а во второй они приманивают призрака игрой на музыкальных инструментах в дом к рабби, после чего он говорит ему о том, кто причастен ко греху: *«кроме Бога это знает только один человек на свете, и человек этот – ты»* [1, с. 7]. Так Лёв понимает, что дети умирают из-за греха, совершаемого Эстер.

Меняя причину возникновения чумы, Перуц связывает легенду с сюжетом и героями своего романа. Вместо неких матерей – Эстер, вместо некоего ученика – Коппель и Екеле. История о чуме становится началом запутанного клубка событий, распутать который можно только к концу.

Другая легенда в сборнике Венига, которая легла в основу сюжета, называется *«О синагоге Мейзла»*. В ней говорится о Мордехе Мейзле: *«невероятном богаче», который «давал деньги в долг знатым господам и даже самому императору Рудольфу II», при этом «Мейзл щедро одаривал квартал, в котором он жил: он велел вымостить улицы еврейского гетто, построил там больницу, бани, расширил кладбище, а также всячески заботился о своих единоверцах»* [2, с. 349].

Казалось бы, легендарный герой походит на книжного, но это не совсем так. Если в легенде Мордехай показан как абсолютный герой для еврейского народа, то в романе истиной причиной такой щедрости Мейзла становится месть императору – он хочет растратить все свои деньги, чтобы после смерти оставить Рудольфа ни с чем. Эта деталь делает персонажа сложнее, человечнее. Он, как и все люди, подвержен чувствам, в том числе негативным.

В романе история с монетой, описанная в шестой главе *«Похищенный талер»*, также берёт начало из легенды. Изначально гору золота обнаруживает главный раввин Пражского еврейского гетто ребе Ицхак, он же встречает двух фантастических существ, охраняющих сокровище, крадёт один талер. В романе место раввина занимает будущий император Рудольф.

Такое изменение оправдывается более тесными взаимоотношениями персонажей. Читатель видит, что герои историй связаны между собой.

Таким образом, городские легенды становятся для Лео Перуца основой его сюжета, но при этом автор не берет их в первозданном виде, он изменяет героев, переиначивает некоторые моменты, добавляя или же убирая детали. Данный факт показывает «пластичность» мифов, их лёгкость в интерпретации. Недаром одна легенда может иметь десятки аналогов. У писателя получается вставить распространённые пражские истории в свой уникальный сюжет.

Литература

1. Вениг, А. Сказания старой Праги. Чудеса и тайны древнего города / А. Вениг. – М. : Эксмо, 2018. – 365 с.

2. Гуревич, Р. В. История австрийской литературы XX века: в 2 тт. / Р. В. Гуревич, В. Д. Седелник. – М. : Издательство ИМЛИ РАН, 2009. – Т. 1. – С. 502–504.

3. Мастеница, Е. Н. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход / Е. Н. Мастеница // Петербургские исследования. – 2011. – No 3. – С. 128–147.

4. Перуц, Л. Ночи под каменным мостом. Снег святого Петра / Л. Перуц ; пер. с нем. К. Белокуров. – СПб. : Алетей, 1996. – 384 с.

5. Эмер, Ю. А. Пространственная модель города в фольклоре: к проблеме коллективной самоидентификации горожанина / Ю. А. Эмер // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2014. – No 1. – С. 18–24.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

Е. В. Сысоев, Е. С. Губченко, С. А. Куреев

Российский государственный аграрный университет –

МСХА имени К. А. Тимирязева (Москва)

Науч. рук. – Т. Н. Фомина, ст. преподаватель

Аннотация. Статья о вкладе Чарльза Диккенса в литературный жанр реализма и о символизме в его произведениях была подготовлена на основе доклада на английском языке, посвященного 210 летию со дня рождения английского писателя.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс; реализм; литература; стиль; символизм.

С начала XIX и вплоть до XX века в искусстве, будь то литература или живопись, повсеместно правил реализм. В России его родоначальником стал